

Максим Удовиченко

Наследники древних
манускриптов

Максим Удовиченко

Наследники древних манускриптов

«Эдитус»

2017

Удовиченко М.

Наследники древних манускриптов / М. Удовиченко — «Эдитус»,
2017

ISBN 978-5-00058-481-1

Более тысячи лет назад на территории современной Мавритании и частично сопредельных государств, располагался воинственный халифат. Правитель халифата имел при дворе личного мага, звездочёта и прорицателя. Звездочёт обладал обширными познаниями в разных областях тайных знаний и пользовался большим уважением у правителя. Все результаты магических практик и наблюдений за природой он подробно записывал в свою «Книгу Знаний», которая перешла к нему по наследству от других великих магов. У звездочёта халифа был слуга, очень любознательный и пронырливый, который тоже вёл свою книгу и собирался передать её по наследству. Книга слуги разумеется совсем не была похожа на «Книгу Знаний» звездочёта, но тем не менее... По странному стечению обстоятельств книга звездочёта и книга слуги попадают в руки двух, примерно одинаковых людей, живущих в нашей стране в наши дни и занимающихся, примерно одним и тем же делом. Вдохновленные древними текстами, обладатели книг отправляются в жаркую Африку на встречу приключениям.

ISBN 978-5-00058-481-1

© Удовиченко М., 2017

© Эдитус, 2017

Содержание

Глава первая. Слуга звездочёта	6
1.1 Рыночные проделки Аль-Мажнуна	11
1.2 Великие тайны звездочёта	15
1.3 Размышления Аль-Мажнуна	17
Глава вторая. Поход армии Халифа	20
2.1 Город Тимбукту	22
2.2 Встреча на берегу реки Нигер	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Максим Удовиченко

Наследники древних манускриптов

За помощь в создание книги выражаю признательность всем, кто внёс свой вклад.

Надеюсь на то, что история, описанная в книге «Неведомое зарубежье» покажется вам увлекательной и не заставит Вас скучать.

Все Ваши пожелания, предложения и критические замечания можете высылать мне на электронную почту.

Всем хорошего настроения!

С уважением,

автор книги, рисунков и коллажей

Максим Удовиченко makmih@rambler.ru

Глава первая. Слуга звездочёта

г. Аудагост, пограничная территория владений халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина из династии Альморовидов, год 1056, (в настоящее время г. Тегдауст, провинция Восточный Ход республики Мавритания).

Пробиваясь сквозь рассветную дымку лучи утреннего солнца осветили бедуинский шатёр на краю пальмовой рощи.

Песчаная дорога, окаймлённая акациями и кустарниками поднимаясь на пустынный бархан извиваясь терялась из вида, исчезая в бескрайних песках великой пустыни.

– Аль-Мажнун¹! Где ты бездельник?! Да укротит Аллах милостивый и милосердный твои гнусные дни! – кричал, негодуя всадник в черной расшитой золотыми звездами и полумесяцами чалме и синем атласном халате, богато украшенном золотыми узорами.

– Я здесь! О, великий звездочет халифа и мудрейший из прорицателей, почтенный Аль-Фарух-Ибн-Сауд! – отвечал невысокого роста человек, с длинным носом, в большой остроконечной черной шляпе звездочета. Неловко отодвинув полог шатра, он с кряхтением попытался выбраться наружу, цепляясь длинными рукавами черного халата за нехитрые предметы кочевого обихода.

За откинутым пологом шатра отчетливо мелькнуло очень приятное женское лицо молодой берберки².

¹ Аль Мажнун – в переводе с арабского языка – безумец.

² Берберы-жившие в Ливийской Сахаре народы, которых еще греки называли берберами-то есть «варварами», спасаясь от римских легионеров, уходили в глубь пустыни, чтобы вести там свободную, хотя и полную лишений жизнь. берберские племена-зената, санхаджа и годалла – во II веке н. э. появились у Атлантического побережья Сахары. В оазисах они рыли колодцы, сажали финиковые пальмы и сеяли сорго. И сегодня те западносахарцы, которые занимаются земледелием, ведут свою генеологию от этих племён.

– Вот тебе 500 мискалей, мешок золотого песка и три золотых динара! купишь 20 невольников, 10 верблюдов, пригодных для длительного перехода, 30 муддов пшеницы, 30 баранов и коз, специй же, воды и пряностей возьмешь на 40 дней пути!

Мы отправляемся завтра с рассветом! – произнес Аль-Фарух, кидая тяжелые вьюки на песок, перед, склонившимся в почтении Аль-Мажнуном, и со словами, – «Найдешь меня в моем шатре!» он также неожиданно исчез в клубах пыли, как и появился.

– Слушаю и повинуюсь! О, великий звездочет халифа, – произнес Аль-Мажнун, обращаясь к тому месту, откуда еще со всем недавно слышался голос его хозяина.

Аль-Мажнун идёт в город.

Взвалив мешки на спину, Аль-Мажнун побрел вдоль тенистых акаций по дороге, ведущей в город. Лучи жаркого сахарского солнца, проходя чрез густые ветви акаций, прорезая клубы пыли, вздымавшиеся от стад овец и караванов верблюдов местных торговцев, напоминали библейские «столпы света», освещавшие путь утомленных странников.

«Надо спешить, – думал Аль-Мажнун, тяжело ступая своими остроконечными сандалиями с загнутым верхом по пыльной дороге.

– Хозяин серьезен как никогда! В прошлый раз он обещал превратить меня в жабу, за то, что я соблазнил дочку торговца финиками, а сейчас, если я буду нерасторопным, он выполнит свое обещание!» Так рассуждал он, волоча нелегкую ношу.

Прямо у ворот города, Аль-Мажнун увидел процессию всадников халифа Абдаллаха, стремительно продвигавшуюся меж склонившихся в почтении торговцев, путников и горожан.

– Слушайте! Слушайте! Имеющий уши, да услышит! – кричал первый всадник в украшенном золотом черном тюрбане.

– Повелитель правоверных, халиф Абдаллах, да укрепит его Аллах своей поддержкой, да окружит его своими милостивыми делами, выступает в поход в Магрибские земли, для обращения неверных в истинную веру! Да поможет ему Аллах великий, и да сохранит он повелителя правоверных! Всем же услышавшим, милосердный халиф Абдаллах велит внести десятую часть своего дохода – в знак признания и одобрения деяний милосердных рук его!

Отказавшихся внести мизерную плату, ждет неминуемая смерть!

Последние фразы всадника утонули в оглушительном реве труб музыкантов халифа. Процессию сопровождали пешие воины халифа, бесцеремонно вырывавшие деньги, украшения и драгоценности из рук торговцев и горожан. Товар складывали в повозки, к ним же наспех привязывали верблюдов, скот и лошадей.

Узнав, что Аль-Мажнун является слугой великого Аль-Фаруха-Ибн-Сауда, воины халифа не взяли с него платы и беспрепятственно пропустили его в город, не причинив ему вреда.

Пройдя знакомыми улочками, утопающими в зелени акаций, финиковых пальм и дикого винограда, Аль-Мажнун свернул у мечети на улицу, ведущую к рынку.

...Тем временем, во дворце халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина

Невысокого роста, сухощавый, с черной бородой и очень смуглым лицом, одетый в синий тюрбан, украшенный золотом и сапфирами, черный парчовый халат, богато украшенный золотым шитьем, халиф Абдаллах, повелитель племен и народов от Испании и до пределов царства Ганы, восседая на золотом троне, очень внимательно слушал своего военачальника Йахью-Ибн-Омара. Йахья-Ибн-Омар, неторопливо излагал план предстоящего похода, пытаясь как можно подробнее аргументировать свои предложения.

Дворец правителя Аудагоста, еще два года назад принадлежавший выходцу из вождей черных племен сонинке³, могущественной империи Гана, был богато украшен золотом и драгоценными камнями.

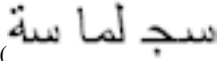
Стены дворца изобиловали расписанными золотом фресками и сурами из Корана. Драгоценные камни, использованные в арабской мозаике, поражали воображение.

Золотой фонтан, в окружение финиковых пальм, с приятным журчанием раскидывал потоки воды, разлетавшиеся на тысячи, играющих на солнце алмазных брызг, создавая атмосферу неопишуемой восточной роскоши, умиротворения и прохлады.

– О, великий повелитель правоверных! – продолжал свою речь военачальник Йахья-Ибн-Омар, – Милостью Аллаха всемогущего и милосердного, мы не сможем сразу пойти на великий магрибский город Сиджильмаса,⁴ не усилив нашу армию пешими и конными войсками наших союзников. Из Аудагоста, армия великого халифа отправится в город Тимбукту. Когда мы достигнем города Тимбукту, то правитель города Мусса-Ибн-Халид милостиво предоставит нам 10 тысяч пеших и 5 тысяч конных мессуфа⁵. Пополнив запасы воды и продовольствия в Тимбукту, мы выдвинемся в город Атар, и уже из Атара, мы обрушим наши клинки на головы неверных Магриба, – представил он свой план великому правителю.

– План твой успешен, Йахья-Ибн-Омар, но что скажет великий Фарух-Ибн-Сауд, кому Аллах милостивый и милосердный доверил узнавать его волю по знакам и звездам? – произнёс халиф, обращаясь к предсказателю и звездочёту Аль-Фаруху.

³ Сонинке – народ, живущий в основном на севере Мали, а также в пограничных с Мали районах Сенегала, Буркина-Фасо, Гамбии, Мавритании.

⁴ Сиджильмаса (араб.) – средневековый город в Магрибе, на Юго-Востоке современного Марокко. Ныне – туристический объект в Марокко. Расцвету города способствовало выгодное расположение на транссахарских торговых путях в страны Западного Судана, богатых золотом; современники упоминают о невиданном богатстве обитателей Сиджильмасы.

⁵ Мессуфа – чернокожие племена, населявшие долину реки Нигер, территория современного Мали, Мавритании.

Совет во дворце великого халифа.

– О, великий повелитель правоверных! План Йахьи-Ибн-Омара воистину безупречен, но звезды говорят, что поход армии великого халифа обречен на бесконечные сражения с превосходящими силами неверных! – отвечал Аль-Фарух-Ибн-Сауд, окидывая беглым взглядом лица собравшихся приближённых халифа.

– Так ты предрекаешь поражение!?! – теряя терпение, произнес халиф, поднимаясь с трона.

– О, великий повелитель правоверных! Я не могу ничего предрекать, я лишь имею способность узнавать волю Аллаха всемогущего и милосердного в знаках и звездах, – сказал Аль-Фарух, склоняясь в почтении.

– У меня были совершенно другие намерения! Я собирался возглавить поход и дойти до магрибского города Фес, куда, как мне стало известно, по воле Аллаха милосердного, недавно прибыл мой учитель и наставник Абу-Имран-Мусса, – произнес халиф, в раздумьях всматриваясь в сверкающие в лучах солнца брызги фонтана.

– О, великий халиф! – продолжал Аль-Фарух, почтительно склонившись перед повелителем, – Я понимаю, насколько важно для Вас увидеть великого учителя и наставника Абу-Имрана-Муссу. Но знаки Аллаха всевышнего и милосердного, которые мне удалось прочесть, указывают на то, чтобы Вы, о, великий и премудрый правитель правоверных, остались с частью войска в городе, – произнес Аль-Фарух, в почтительном поклоне.

– Ты смелый человек, Аль-Фарух! Тебе всегда удавалось, известными тебе лишь одному способом, прочесть по знакам и звездам волю Аллаха всевышнего и милосердного... – задумчиво произнес халиф Абдаллах, – Я последую воле Аллаха Всевышнего и останусь в городе, армию же поведет в поход эмир Йахья-Ибн-Омар, – приняв непростое решение, заключил халиф, завершая совет.

– Слушаем тебя о, великий повелитель правоверных и повинuemся! – ответили собравшиеся, склонившись в почтении перед великим халифом.

1.1 Рыночные проделки Аль-Мажнуна

Тем временем, Аль-Мажнун уже сновал меж шумных рядов торговцев, настойчиво и наперебой предлагавших купить их товар.

Он бросал лукаво-оценивающие взгляды на девушек и женщин, прихватил по привычке гроздь бананов и горсть фиников у зазевавшихся торговцев и вдруг совсем забыл о поручение хозяина, не удержавшись и всё-таки увязавшись за берберкой с весьма пышными формами.

Следуя за красавицей берберкой, Аль-Мажнун не заметил, как пересек площадь шумного рынка и оказался в роще финиковых пальм.

Аль-Мажнун на рынке Аудагоста, занят привычными делами: ворует финики и выслеживает женщин.

Посреди опушки, на выгоревшей от солнца траве, на платяных выюках, аккуратно лежали куски соли различных размеров. Напротив каждого куска также аккуратно были выложены золотые слитки и мешки с золотым песком.

Ни секунды не раздумывая, со словами «У хозяина этого добра полно, а у меня совсем нет!», – Аль-Мажнун ловко закинул в свой мешок пару кусков соли и пару слитков золота.

Несмотря на заметно отяжелевшую ношу, в душе Аль-Мажнуна появилась внезапная радость, а в ногах необычайная легкость. Сандалии с загнутым верхом, почти не касаясь земли, несли его обратно в сторону рынка.

Взбираясь на высокую стену, отделявшую рынок от остальной части города, Аль-Мажнун слышал за спиной громкие крики преследовавших его торговцев.

– Держи вора! Он украл мою соль! – кричал обвязанный черной чалмой, в длинном коричневом халате чернокожий мессуфа, то и дело на бегу стараясь выбрать удобную позицию для броска копья.

– Этот негодяй украл мое золото! – вопил одетый в синий тюрбан и ярко оранжевые парчовые штаны бербер-санхаджа, размахивая кривой бедуинской саблей, яростно пытаясь опередить чернокожего мессуфа и первым настигнуть пронырливого воришку.

Перебравшись через увитую плющом и диким виноградом стену, и не без труда увернувшись от ударившего рядом с ногой копья, Аль-Мажнун растворился в шумной толпе рынка.

Сбивая попадавшихся на пути прохожих и ловко перекатываясь через повозки, груженные арбузами и дынями, Аль-Мажнун вдруг оказался у дверей лавки знакомого торговца парчой.

Машинально сунув в руку торговца маленький мешочек золотого песка, заблаговременно припрятанный в кармане халата, Аль-Мажнун исчез за дверями лавки.

Аль-Мажнун уходит от погони.

– Мустафа! Скорее неси индиго и одежду знатного сонинке, – выпалил Аль-Мажнун, переводя дыхание.

– Аль-Мажнун! Но здесь песка лишь на один тюрган! – возмутился торговец.

– Я расплачусь с тобой, как только оденусь! Да, и еще: ты меня здесь не видел! За это получишь отдельную плату! – произнёс Аль-Мажнун, запихивая колпак, халат и сандалии с загнутым верхом в холщовый вьюк.

Оглядев Аль-Мажнуна со всех сторон, торговец Мустафа отметил потрясающее сходство с вельможей сонинке. Синий тюрган с серебряной заколкой в виде полумесяца, в сочетании с коричневым халатом и синими парчовыми шароварами, очень подходили к вновь приобретённому, иссиня-черному цвету лица, рук и ног, подчёркивая знатность происхождения владельца.

Расплатившись с торговцем, Аль-Мажнун, уже в новом облике, направился выполнять распоряжения хозяина Аль-Фаруха. Не пройдя и десяти шагов от лавки торговца парчой, он внезапно наткнулся на своих преследователей.

– Смотрите господин! – кричал чернокожий мессуфа берберу-санхаджа, указывая остриём копья на Аль-Мажнуна.

– Это он! Это точно он!

– Да, что ты говоришь! Глупый раб! Да, укоротит Аллах милостивый и милосердный твой длинный язык! Тот был бербер, в большом черном колпаке и черном халате! А этот чёрный вельможа сонинке, в синем тюрбане, коричневом халате и синих парчовых шароварах! – произнёс, негодуя бербер-санхаджа.

– Скорее ищи вора! И не раздражай меня своими глупыми домыслами! – добавил он, пытаясь разглядеть в бурлящей толпе рынка, запомнившийся ему остроконечный колпак со звёздами.

Нагрузив дородных и весьма откормленных верблюдов бурдюками с водой, глиняными амфорами с зерном и тюками с продовольствием, накормив и напоив, вновь приобретённых чёрных невольников и невольниц, Аль-Мажнун повел караван в направлении городских ворот.

– Узнает ли Аль-Фарух о моей «маленькой шалости» на рынке? – размышлял Аль-Мажнун, погоняя верблюдов и скот, и время от времени покрикивая на чёрных невольников.

Жаркое сахарское солнце медленно клонилось к горизонту, раскрашивая синюю гладь сахарского неба в мягкие розовые тона.

1.2 Великие тайны звездочёта

Аль-Мажнун вдруг вспомнил, как когда-то, давно он был катибом⁶ и одновременно поверенным в делах самого эмира⁷ города Мемы⁸, он за свою работу был пожалован четырьмя тысячами мискалей, но решив получить ещё такую же сумму, не придумал ничего лучше, как пожаловаться эмиру, что деньги у него украли.

Призвав верховного судью города Абу-Аль-Дауда, эмир пригрозил ему смертной казнью, если тот не доставит ему похитителя. Судья Абу-Аль-Дауд искал укравшего, но не нашел никого, ибо в городе не было ни единого вора. Тогда он явился в дом катиба Аль-Мажнуна и сурово допросил его слуг, угрожая им смертью. И одна из невольниц Аль-Мажнуна сказала ему: «Ничего у него не пропало, просто он собственной рукой зарыл эту сумму в таком-то месте!», – и показала место судье. Судья извлек золото, принёс его эмиру, сообщив всю историю. Эмир разгневался на Аль-Мажнуна и изгнал его в страну неверующих, которые поедают людей. Аль-Мажнун пробыл у них четыре года, потом по личной просьбе звездочёта халифа Аль-Фаруха, эмир вернул Аль-Мажнуна обратно в город и отдал его в услужение звездочёту.

А черные не съели Аль-Мажнуна лишь из-за белого цвета его кожи, ибо они говорили будто поедание белого вредно, так как он не созрел, чёрный же по их мнению, означал вполне созревший...

Рассуждая о своих зловключениях, и о доброте и премудрости великого прорицателя и звездочета Аль-Фаруха, Аль-Мажнун не заметил, как на город опустились сумерки. Уже через некоторое время полная луна на чистом и безоблачном небе в окружении мириады звёзд освещали путь каравана Аль-Мажнуна.

Добравшись до шатра Аль-Фаруха, привязав скот и развьючив верблюдов, он расположил невольников на ночлег в пальмовой роще, раздав всем циновки и разрешив развести огонь. Пересчитав ещё раз количество бурдюков, амфор и выюков, а также мешочки с остатками золотого песка, Аль-Мажнун направился к шатру хозяина. Откинув полок шатра он позвал Аль-Фаруха, но к своему удивлению обнаружил, что шатер был пуст.

– «Где же он может быть? Ведь конь его здесь...», – рассуждал Аль-Мажнун, огибая пальмовую рощу и углубляясь в пустыню.

Взобравшись на бархан, Аль-Мажнун оцепенел от увиденного: огненный круг в свете луны и звезд, похожий на небесный шатер, весь светился от пиктограмм и магических знаков. В центре круга сидел Аль-Фарух, а перед ним, словно повисла в воздухе открытая книга с горящими буквами невиданного ранее языка.

Страницы книги перелистывались сами собой, при этом Аль-Фарух что-то записывал, не переставая повторять какие-то заклинания.

⁶ Катиб – писарь, арабский язык.

⁷ Эмир города – градоначальник, управляющий городом.

⁸ Мема – район озер (Фагибин, Дебо и др.) к юго-западу от Тимбукту.

Внимательно наблюдая из-за большого камня за происходящим, Аль-Мажнун вдруг услышал полные негодования и возмущения вопли своего хозяина:

– Как? Приемник найдется через 941 год?! Их будет двое?! Что значит, один придёт с Севера, а другой на половину с Севера, а на половину с Востока?! Как, моя книга, в которой собрано знание всех моих предшественников, будет принадлежать жуликам и пройдохам?! Что?! Ей будут убивать тараканов, и резать на ней соленую рыбу?! Кто такой Леопольд?!

Громкие крики негодования Аль-Фаруха растворились в ночной пустыне, отозвавшись, как показалось Аль-Мажнуну, откуда-то из глубины песков, чуть слышным эхом: «Такова воля, такова воля...». Как только затихли, потерявшись где-то между звездным небом и величественными песками Сахары, последние, едва различимые отголоски эха, в мгновение ока, исчезли и книга, и огненный круг, и магические знаки, оставив великого звездочета халифа наедине с безмолвной пустыней.

– Вот теперь-то уж точно надо спешить! – бубнил себе под нос Аль-Мажнун, ловко скачываясь с бархана.

Великий звездочет халифа мог и не догадываться о существовании другой книги, которую его слуга Аль-Мажнун тайно писал для своего приемника. Обладая талантом к рисованию и достаточным словарным запасом для ведения хозяйственных дел, Аль-Мажнун не всегда понимал значение слов, так или иначе не связанных с хозяйственной лексикой.

Испуганный Аль-Мажнун наблюдает звездочёта халифа в звёздном шатре.

1.3 Размышления Аль-Мажнуна

Поэтому, «мудрёное» слово «приемник» он заменил на более для него понятное слово – «подельник», снабдив для наглядности каждую страницу своей книги красочными рисунками «из жизни».

Изрядно запыхавшись, Аль-Мажнун, как ему показалось, весьма быстро добрался до пальмовой рощи, где он расположил невольников, привязал скот и верблюдов.

– Где ты ходишь прохвост?! – услышал он вдруг за спиной знакомый голос хозяина Аль-Фаруха. – Золото же, оставшееся от торговли, и пришедшее к тебе иным путем – оставь себе! До рассвета напои верблюдов и скот, а что накормил рабов и раздал всем циновки для ночлега – за это хвалю.

За моим шатром найдешь 20 выюков, крепи их на верблюдов с великой осторожностью, эти вещи бесценны, – отрывисто распорядился, загадочно возникший будто из песка великий звездочет Халифа.

Разворачиваясь в почтённом поклоне к неожиданно появившемуся хозяину, Аль-Мажнун все-таки в свете луны уловил едва заметную тень печали и тревоги на лице великого звездочета.

– Приготовь караван к дальнему переходу! Не забудь укрыть все выюки и амфоры мешками из верблюжьей кожи, нас ждет нелегкий путь, полный опасностей и невзгод! – услышал Аль-Мажнун последние фразы хозяина, отозвавшиеся пришедшим откуда-то со стороны бескрайней пустыни эхом, в котором Аль-Мажнун отчетливо различил несколько раз повторившиеся слова: «Путь невзгод, путь невзгод».

– О, великий и милосердный прорицатель халифа! Что означает «путь невзгод»? – попытался спросить Аль-Мажнун, все еще склоняясь в почтении.

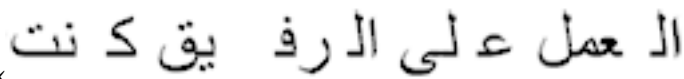
Но этот вопрос, как в прочем, и большинство других его вопросов, остался без ответа. Лишь мягкий свет, струившийся от зажжённых амфор сквозь слегка покачивающийся полог шатра, говорил ему о том, что хозяин только что вошёл, и, видимо, очень занят приготовлениями к предстоящему длительному путешествию по бескрайним пескам великой пустыни.

– Сколько же тайн знает великий звездочет халифа! И книга с горящими буквами, и этот странный голос пустыни со словами, – «Такова воля», или – «Путь невзгод»! А что означают его слова «Золото, пришедшее к тебе иным путём»?! А вдруг он догадался о моей маленькой проделке на рынке, ведь о нём говорят, что он видит сквозь стены, да что там сквозь стены, поговаривают, что он может видеть сквозь время! – бубнил себе под нос Аль-Мажнун, направляясь к своей небольшой хижине с соломенной крышей и бамбуковыми стенами.

– Надо скорее записать всё, что я видел сегодня в мою книгу, а ещё сделать несколько рисунков, для наглядности! – бормотал Аль-Мажнун, пробираясь на карачках в узкий, похожий на барсучью нору, вход в свое жилище.

Разведя не без труда огонь, Аль-Мажнун подпалил обильно смазанный бараньим жиром и добела иссушенный солнцем обломок коряги, служивший ему в качестве лучины,

и очень бережно достал из походной сумки, сшитой наспех из двух мешков верблюжьей кожи завернутую в платяную тряпицу, заветную книгу с неброским названием

«»⁹ – «ТЕБЕ ПОДЕЛЬНИК».

Разложив на камне книгу, Аль-Мажнун принялся рисовать.

Для начала он изобразил сюжет с красавицей берберкой с пышными формами, снабдив рисунок подробным описанием того, что так притянуло его к этой женщине, а также добавил детальную схему местности обитания подобных экземпляров. Затем запечатлел момент с совершенно случайной находкой золотых слитков, мешков с золотым песком и здоровенных кусков соли, не забыв в коротких фразах добавить от себя, что такие чудесные находки, возможны лишь, когда ты пытаешься настигнуть действительно качественный экземпляр женской особи.

– Что такого в этом переходе?! Откуда вдруг этот «путь невзгод»?! – рассуждал Аль-Мажнун, рисуя сцену с переодеванием в знатного вельможу сонинке, снабдив её высказыванием: «Мажнун белый хорошо, а Мажнун чёрный ещё лучше».

Аль-Мажнуну не раз приходилось пересекать бескрайние пески Сахары то с караванами торговцев из Сиджильмаса, то с отрядами воинов из Тимбукту, двигаясь по камням пролежавшей через Сахару древней дороги. Караван шел, не сворачивая с колеи.

Много поколений путешественников погибло, пока она была протоптана, и если ветер пустыни наметал песок, отыскать ее помогали верблюды. Несомненно, Аль-Мажнун знал, что им предстоял долгий и опасный путь из Аудагоста в Магрибские земли, и много испытаний предстояло перенести путешественникам. Их ожидали, жажда, болезни, опасность нападения разбойников и хищных зверей. Днем предстояло терпеть невыносимый солнечный зной, ночью – холод.

К этому прибавлялись и бедствия войн, которые халиф Абдаллах-Ибн-Ясин постоянно вел для расширения границ халифата.

– Какие ещё «невзгоды», кроме тех, которые мне давно знакомы, упомянул хозяин, если наш караван идет с армией халифа?! – недоумевал Аль-Мажнун, рисуя сцену, где он покупает верблюдов, не забывая при этом умыкнуть горсть фиников, у отвлечшегося по соседству торговца.

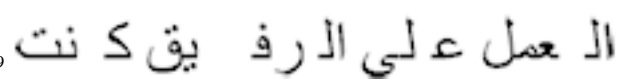
Дополняя рисунок, кратким описанием происходящего, Аль-Мажнун вдруг услышал, чуть робкие, но довольно отчётливые звуки птичьей трели – «тики-тики-та, тики-тики-та», – доносившиеся откуда-то из глубины пальмовой рощи.

– Скоро рассвет, опять не удалось поспать! Нужно покормить скот, напоить верблюдов и собирать караван! – досадуя, бубнил Аль-Мажнун, заворачивая книгу в платяную тряпицу и запихивая ее в походную сумку.

Едва показавшаяся, на ещё прохладном сахарском небе, рассветная заря возвестила о себе громким рокочущим звуком труб музыкантов халифа, смешавшимся с лязгом оружия, скрипом повозок и пронзительным ревом верблюдов многочисленных караванов, выдвинувшихся обозами с армией халифа.

Поднимая клубы пыли и песка, рядом с Аль-Мажнуном, завершающим последние приготовления к переходу, пронеслись передовые отряды конницы.

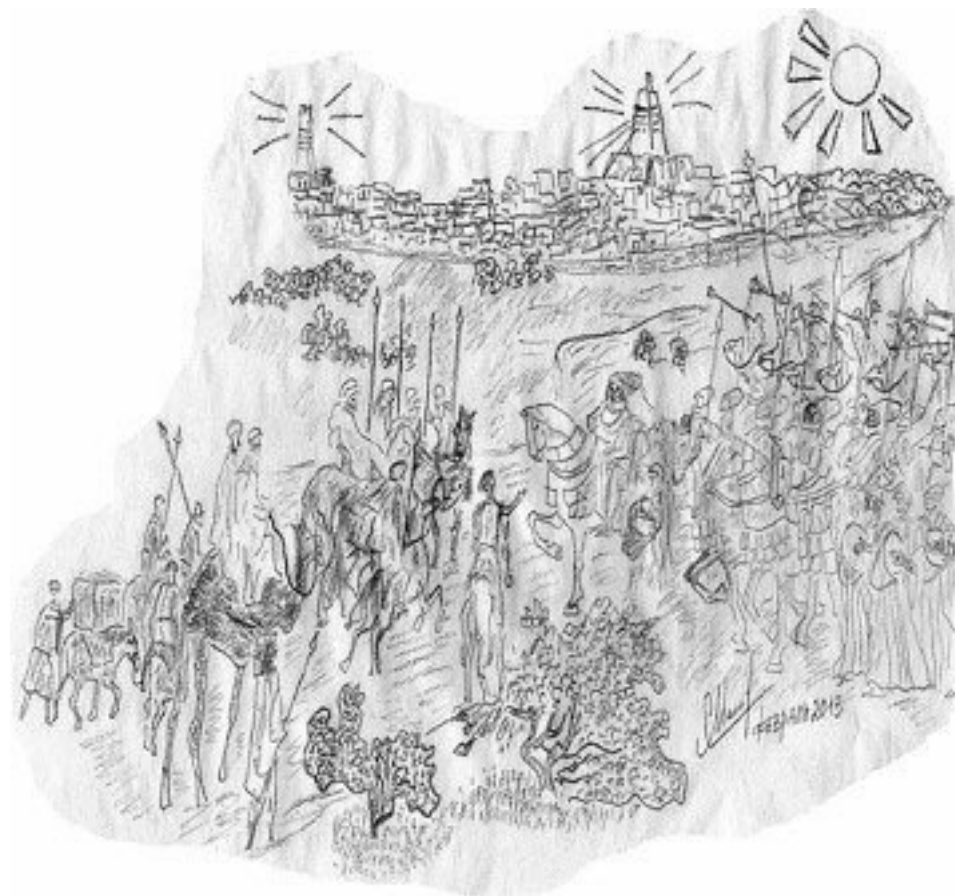
– Присоединяйся к караванам обоза! Меня найдешь в конном отряде эмира Йахьи-Ибн-Омара! – распорядился Аль-Фарух, седлая коня и исчезая в клубах пыли.

 – тебе товарищ по работе (Подельник) – арабский язык.

– Слушаю и повинуюсь! О, великий звездочёт халифа! – пробормотал, почтено склонившийся Аль-Мажнун, вслед исчезающему в клубах пыли хозяину.

Завидев караван знакомого ему торговца, Аль-Мажнун, не раздумывая направил своих верблюдов вслед замыкавшей процессию повозки, доверху нагруженной разнообразным товаром.

Глава вторая. Поход армии Халифа

Тем временем, Аль-Фарух-Ибн-Сауд, нагнав передовой отряд всадников халифа, с трудом различил, сквозь густые клубы пыли, знакомые очертания фигуры всадника в темном атласном халате, наглухо обвязанного чёрной чалмой.

– Да, прибудет с тобой милость Аллаха, великого и милосердного! – приветствовал он всадника в чёрной чалме.

– Салам Алейкум! О, великий предсказатель! Что заставило тебя отправиться в путь, итог которого, ты сам же предрек как неудачу?! – отвечал на приветствие Йахью-Ибн-Омар, с трудом скрывая сарказм.

– Я редко ошибаюсь, о, великий эмир халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина! И ты об этом знаешь! – спокойно отвечал Аль-Фарух, не обращая внимания на иронию в голосе полководца.

– Но, до меня дошли слухи, что в Тимбукту прибыл великий ученый, ученик и приемник самого Аль-Басри¹⁰, Аль-Максуд-Ибн-Хорезми – объяснял Аль-Фарух значимость своего путешествия.

¹⁰ Ибн-Аль-Хайсам – (965 – 1039 г.г.): в европейской литературе – Альхазен, был родом из Басры (Ирак), жил в Египте. Известен как алхимик, математик, физик, врач. Первым изучил строение глаза, изготовил модель хрусталика сначала из хрусталя, а затем из стекла. Он же первым предложил использовать линзы при чтении людям преклонного возраста, таким образом, изобрел очки; объяснил преломление лучей в средах глаза, зрительные восприятия; дал названия отдельным частям глаза (хрусталик, роговица, стекловидное тело и др.). Изучение работ Ибн-Аль-Хайсама впоследствии привело к изобретению подзорной трубы, а позднее и телескопа.

– Аль-Басри?! Того самого шарлатана, который пообещал египетскому халифу Аль-Хакиму¹¹ построить плотину на реке Нил, и ничего не сделал, а в добавок ко всему оказался сумасшедшим?¹² А, его ученик и приемник – Аль-Максуд-Ибн-Хорезми, не тот ли это магрибский маг, способный получать золото из песка и пыли?! – с торжеством обличения, без сомнения победоносно, как ему показалось, задал вопрос Йахья-Ибн-Омар.

– О нем говорят, что он использует силы Иблиса, ^a если так, то он опасный человек, и учение его противно Аллаху всевышнему и вредно для правоверных, – добавил он, лишая, как ему показалось, Аль-Фаруха любой возможности к оправданию, как учителя, так и ученика.

– О, достопочтенный эмир Йахья-Ибн-Омар! Упомянутые вами как шарлатаны и колдуны люди являются по сути своей великими учеными, обратившими силы природы во благо правоверного мира! А если говорить о великом приемнике Аль-Басри, Аль-Максуде-Ибн-Хорезме, то поверьте мне, что учение Аллаха всевышнего он почерпнул из Корана в городе Фес, окончив самое престижное медресе вместе с великим учителем халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина – хафизом¹³ Абу-Имраном-Муссой, – рассыпая на части все искусно выстроенные эмиром разоблачения, спокойно заключил Аль-Фарух.

– Негодяи! Да, лишит их Аллах всевышний дара речи! Решили меня обмануть! И ввели меня в заблуждение, оболгав и оклеветав достопочтенных учёных! Я немедленно распорядюсь, чтобы их предали смерти! – достаточно на его взгляд гневно произнес Йахья-Ибн-Омар.

– Я надеюсь, наш разговор, о, достопочтенный Аль-Фарух! Не дойдет до ушей халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина? – добавил он, уже не скрывая горечи провала своей неудавшейся попытки уличить Аль-Фаруха, и внимательно вглядываясь в выражение лица звездочёта.

– Можешь не сомневаться, о, великий эмир Йахья-Ибн-Омар! Да, будет Аллах великий и милосердный свидетелем моих слов! Весь наш разговор будет лишь достоянием пустыни! – заверил звездочёт Аль-Фарух.

Полководец халифа, даже не предполагал, что двумя годами ранее, в Танжере¹⁴, Аль-Максуд-Ибн-Хорезме пообещал Аль-Фаруху, по чертежам самого Аль-Басри, сконструировать подзорную трубу, способную многократно увеличить небесную карту звёзд.

А поход армии халифа, предоставил Аль-Фаруху, великолепную возможность отправиться в Тимбукту и встретиться с великим ученым.

На пятый день пути перед путниками предстал, блистая, в лучах восходящего сахарского солнца золотыми крышами глиняных минаретов, таинственный город ученых, философов, врачей и магов – Тимбукту.

¹¹ Халиф Аль-Хахим – годы правления (996-1021). Известен своими гонениями на христиан. В 1009 году халиф приказал уничтожить храм Гроба Господня в Иерусалиме, что вызвало волну возмущения в Европе и послужило предлогом к началу Первого крестового похода.

¹² Эпизод из жизни великого ученого Аль-Басри. Когда до египетского халифа Аль-Хакима дошел слух о том, что Ибн-Аль-Хайсамом составлен проект регулирования вод Нила с помощью плотины южнее Асуана, он пригласил его в Египет. Однако на месте Ибн-Аль-Хайсам убедился в невозможности этого проекта при технических средствах того времени (подобный проект был осуществлен только в XX веке с помощью России). Узнав об этом, Аль-Хахим разгневался на Ибн-Аль-Хайсама, подверг его домашнему аресту и конфисковал его имущество. Для спасения жизни Ибн-Аль-Хайсам был вынужден симулировать сумасшествие до самой смерти Аль-Хакима. При его приемниках он получил свободу и жил в Каире в почете до своей смерти.

¹³ Хафиз – хранитель Корана, запоминающий его наизусть. Мусульманин, причисляемый к духовному сословию ввиду знания всего Корана наизусть.

طنجة

¹⁴ Танжер (араб. (Танджа)) – крупный торговый город в Марокко с населением 907 тыс. человек (перепись 2008 года). Находится на северном побережье Марокко, омывается Гибралтарским проливом. На момент событий, конечно же, с гораздо меньшим населением (от автора).

2.1 Город Тимбукту

Отделившись от городских ворот, едва заметной дымкой, и по мере приближения обретая различимые силуэты, к передовым отрядам халифа приближалась конная процессия конных воинов в богато украшенных золотом доспехах и остроконечных золотых шлемах.

Её возглавляли знатные сановники в сопровождении музыкантов, а впереди ехал сам градоначальник Мусса-Ибн-Халид.

– Приветствую тебя! О, великий полководец халифа Абдаллаха-Ибн-Ясина, волею Аллаха всевышнего, повелителя и заступника правоверных, непобедимый Йахья-Ибн-Омар! – громогласно воскликнул градоначальник Тимбукту, и его последние фразы утонули в оглушительном рёве труб и бое барабанов придворных музыкантов.

В сопровождении процессии градоначальника, под несмолкаемые оглушительные звуки труб и барабанную дробь, армия халифа вошла в город Тимбукту через огромные, искусно вырезанные из редких сортов африканских деревьев и изыскано украшенные серебряным орнаментом главные ворота.

Радуюсь возможности отдохнуть и вдоволь насладиться всеми прелестями городской жизни после изнуряющего путешествия по пескам Сахары, Аль-Мажнун, пройдя сквозь городские ворота, не задумываясь повел свой караван в сторону городского рынка.

За годы работы в городе Мема, странствий с караванами торговцев и воинов, многочисленных водных путешествий по реке Нигер Аль-Мажнуну ни раз приходилось останавливаться в Тимбукту.

Обладая крайне любопытным и вороватым нравом и, вдобавок хорошей зрительной памятью художника, он без особого труда усвоил нехитрую геометрию улиц и площадей Тимбукту. Обзаведясь полезными, по его мнению, знакомствами, в лице торговцев специями, разносчиков лепёшек, продавцов ювелирных украшений¹⁵, (коиими Аль-Мажнун, щедро одаривал милостивых женщин за, как он сам любил поговаривать, – «приятные часы общения»), он очень быстро вписался в среду горожан.

Вот и сейчас, пройдя через городские ворота, он уже вынашивал скромные планы на день, мило отвечая на приветствия и поздравления со счастливым прибытием от то и дело появлявшихся в толпе, знакомых жителей города.

– Да, свершит Аллах великий над тобой свой праведный суд! Наконец-то ты появился, проходимец! Ты помнишь, что ты обещал мне подарить несметное количество прекрасных стеклянных бус за ту незабываемую ночь, которую ты, о, гнусный проходимец, провел со мной! А что в замен?! Сбежал рано утром, оставив ничтожный мешочек золотого песка?! – вскричала возмущенная красавица берберка в темно-синем халате, как назло внезапно возникшая

¹⁵ Под ювелирными украшениями, весьма распространёнными и ценившимися всеми женщинами халифата того времени, подразумеваются разнообразные стеклянные бусы – «Ан-Назм», золото же, безусловно имело ценность, но было настолько широко распространено и доступно, что считалось некоей обыденностью.

сразу за процессией магов в черных, украшенных золотыми полумесяцами тюрбанах и расшитыми золотым шитьем жёлтых халатах. «Только её мне не хватало! Вот ведь неприятность!», подумал про себя Аль-Мажнун, но, находясь в седле верблюда на относительно безопасном расстоянии от разгневанной женщины, довольно уверенно ответил:

Аль-Мажнун и разгневанная женщина.

– Приветствую тебя, о, прекрасная Латифа! Да, продлит Аллах твои прекрасные дни! В то незабываемое утро произошло страшное недоразумение, и по причине недостаточности света я перепутал карманы халата и случайно достал мешочек золотого песка вместо прекрасных стеклянных бус! Но, да будет Аллах всевышней свидетель моих добрых намерений, я вскоре все исправлю! – рассыпаясь в извинениях, старался он загладить «мелкие неприятности» минувших дней.

– Смотри! Проходимец! Ты знаешь, где меня найти! – грозно сверкнув глазами сквозь узкую прорезь платка добавила берберка, растворившись в толпе горожан.

– Как бы она не пожаловалась хозяину... – размышлял Аль-Мажнун, внося существенные коррективы в казалось бы так искусно задуманные «скромные планы» на день.

Мерно раскачиваясь в седле в такт неспешной походки верблюда, Аль-Мажнун продвигался по знакомым узким улочкам небольших глиняных домов с искусно выпиленными полукруглыми окнами (в последствие получившими известность как «мавританские окна»).

Вдруг, под сенью раскидистой акации, он к своему изумлению увидел сидящего Аль-Фаруха. Склонившись над книгой и нанося весьма замысловатый чертеж, тот с большим интересом выслушивал рассказ двух старцев в тёмных, украшенных семи-конечными звездами тюрбанах и тёмных, расшитых золотыми узорами халатах.

– Разобьешь мой шатёр, в рощи акаций на берегу реки, полы шатра устелешь коврами, приготовишь ужин, у нас сегодня будут гости! Я же прибуду к закату солнца! Ты слышишь меня, прохвост! – не отрываясь от чертежа, распорядился Аль-Фарух.

– Слушаю и повинуюсь! О, великий звездочёт халифа! – взвизгнул от неожиданности Аль-Мажнун, почувствовав, что хозяин способен контролировать и давать ему распоряжения, даже не видя его.

Аль-Мажнун, усердно и в назначенный срок выполнявший все поручения хозяина, даже не подозревал, что своё появление, в качестве слуги Аль-Фаруха, как, в прочем, и многие другие события будущего, были прочитаны великим магом по звёздной книге. Вереница порой странных и не поддающихся объяснению случайностей, имели для Аль-Фаруха вполне закономерную последовательность.

Отменив свои «скромные планы» на день, Аль-Мажнун, жмурясь от ярких лучей солнечного света, отражавшихся от украшенных золотом фасадов высокой глиняной мечети, развернул свой караван, обогнув знакомую улицу, разбросанных в шахматном порядке невысоких глиняных домов, напоминавших шары или полусферы, направился в обратный путь обустроить походный лагерь в указанном хозяином месте.

В монотонном стрекотании цикад жаркое солнце медленно катилось к закату, окрашивая своими теряющими дневную силу лучами темные воды реки Нигер в светло-лиловые тона и время от времени в ослепительном мерцании отражаясь глянцевыми бликами от спин нежащихся в прохладной воде бегемотов.

Караван Аль-Мажнуна на улицах Тимбукту.

2.2 Встреча на берегу реки Нигер

В неясно различимом гуле, доносившемся со стороны города Тимбукту, сначала чуть слышно, затем все отчетливее, Аль-Мажнун уловил топот копыт приближающихся всадников.

Аль-Фарух и ещё один всадник в тёмном, украшенном семи-конечными¹⁶ звёздами тюрбане и желтом, расшитом золотом халате остановили коней возле шатра.

– Распорядись подать чая, а ужин подашь после заката! Завтра с рассветом пополнишь запасы воды, продовольствия и дров! В полдень мы отправляемся в Атар! Пять золотых динаров и мешок золотого песка получишь сегодня же! – как всегда отрывисто давал указания звездочёт халифа, вручая поводья лошадей в руки расторопного слуги.

¹⁶ Семи-конечна звезда – звезда магов. Звезда магов имеет именно семь лучей. По числу основных планет. Во многих оккультных книгах – семь дней Создания Мира, семь нот, семь цветов радуги и т. д. Это число связано с Творцом вселенной. В нумерологии число семь олицетворяет оккультизм, философию. А человека превращает в мага и исследователя, учителя и отшельника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.